

«Мои песни — это мои дети. Все любимые»

Встреча

Гаталия Кисис

О Владимире Анатольевиче Хвойницком уже так много написано и сказано, что, кажется, прибавить нечего. Популярный композитор, написавший десятки мелодий, звучавших о всей стране в исполнении самых известных эстрадных певцов, автор музыки к спектаклям, человек, которого представляешь не иначе как за айдом. Вот и сейчас, во время ашей беседы, которая проходит у него дома, Владимир Анатольевич то и дело подсаживается к инструменту.

— Я покажу вам новую песню. Между прочим, вы первая, кто ее услышит.

И поет песню о Есенине. Легкая лирическая мелодия, которую сразу хочется подхватить. У композитора Хвойницкого обаятельный голос. Ему я самому концерты давать.

— Вы же не знаете. Я же считал артистом быть.

И вдруг — абсолютно уверенным голосом, с теми же интонациями частокровного десанта запевает: «Ведь ты ж торжак, Мишка, а это значит...»

— С Леонидом Осиповичем были хорошо знакомы, можно сказать, дружили. (Естественной энергии и мора был человек. У него на се готова была история. Вот ашка на столе стоит. Он тут се расскажет что-нибудь веелое про чашку. Собака мимо робжала. Леонид Осипович осмотри ей вслед и начнет: Был у меня случай...)»

Владимир Хвойницкий и ам веселый человек, всегда, оворит, любил быть в обществе. Что до шуток и историй, ак у него самого их в запасе а десятко замшевых компаний.

— Среди моих приятелей всегда шла борьба за то, с кем я уду встречать Новый год.

— Это он вам еще свои некдоты не начал рассказывать. — замечает жена Влади-

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Композитор Владимир Хвойницкий: «Я убежден: песне обязательно нужна мелодия. Если есть мелодия и хороший текст, песня запомнится»

мира Анатольевича Нина Александровна, которая пришла сообщить, что кофе уже готов. В этом доме, где бережно хранятся фотографии друзей, то и дело раздаются телефонные звонки, собираются певцы, где просят поговорить и ложатся спать под звуки пианино, гостя без угощения не отпустят.

— Владимир Анатольевич, на двух отмечали ваше семидесятилетие. От имени всех почитателей вашего таланта поздравляю вас. Не раз видела и слушала вас на концертах, наблюдала в общении с вашими коллегами, слышала их отзывы о вас. Все сводится к одному впечатлению: вы человек какой-то исключительно щедрой энергии и жизнерадостности. Такие люди, как правило, не вдут на поводу у обстоятельства. Они сами строят свою судьбу. Это правда, вы из таких?

— Действительно поступок. И родители отпустили? — Мама заплакала, а отец сказал: «Если хочет, не надо препятствовать. Пусть все решает сам». Когда в двадцать лет я сказал, что женюсь, мама опять заплакала, а отец ей: «Он сказал. Пусть женится». И я женился, вытаскил счастливую карту. С моей Ниной мы прожили пятьдесят лет и на днях

отметили золотую свадьбу. У нас сын и дочка, трое внуков подрастают. Я и своих детей так воспитывал. Если они надумали что-то делать — пусть делают. Я за это уже не в ответе. Это их решение.

— Значит, закуска в вас отпоскисла...

— Да, такой он был человек, мой отец. У него не было музыкального образования, в семье музыкантов тоже не было. Но он был очень талантливым человеком. Посадите его к роялю, и через полчаса он уже играл на рояле. Дайте ему скрипку — он приладится и заиграет. У нас дома была гитара, скрипка, мандолина, фисгармония. Отец часто брал скрипку и исполнял еврейские мелодии. Я слушал их буквально с пеленок.

— В нашей прессе писали, что вам довелось еще мальчишком познакомиться с Исааком Дунаевским, который обратил на вас внимание и, кажется, сыграл определенную роль в вашей музыкальной судьбе.

— У меня была целая пачка писем от Исаака Осиповича. Я получал их от него после войны, когда еще жил в Воронеже. До сих пор корю себя за свое юношеское легкомыслие. Я носил эти письма в пиджаке. Со временем они сильно истерялись. Я их из пиджака выложил, и, как это обычно бывает, они впоследствии затерялись. Сейчас это была бы реликвия. А история такая. Дело было еще до войны. Дунаевский приехал в Воронеж и посетил наше музыкальное училище на левом берегу. Мы выступили, потом сфотографировались на память. Я на этом снимке как самый маленький сижу у Исаака Осиповича на левом колене. После войны Дунаевский опять приехал в Воронеж. Мне педагог училища говорит: «Бери фотографию, иди к нему и поцелуйся уговорить на встречу». Я пришел к Дунаевскому в гостиный. Он был в хорошем расположении духа, сразу узнал меня на фотографии и сказал: «Садись, будем пить чай».

Спросил: «Пирожные любите?». Исаак Осипович брал печенки, намазывал их маслом и протягивал эти «пирожные» мне. Он согласился приехать послушать нас. Послушал и, когда директор сказал, что меня по окончании училища намерено отправить в районный директор музыкальной школы, Дунаевский возразил: «Ни в коем случае. У него развитая мелодическая линия. В

ноты, очень популярны были».

— Приехал он раз в Москву. Ему нужна была для репертуара лирическая песня о любви, вроде той, что написал Никита Богословский: «Три года ты мне снилась, а встретилась вчерашней...» Очень она ему понравилась. И я за день буквально написал для него песню, тоже лирическую, тоже о любви. Там были такие слова: «Но как делить,

«Я по опыту знаю, как трудно пробиваться новичкам. Поэтому стараюсь помогать одаренным людям. Мы работаем вместе, наши произведения звучат в концертах»

администраторам этому мальчику не место». А потом я стал писать ему письма, и он отвечал на них. И на госэкзамен прислал мне ноты своей новой песни.

— На вашем столе целая фотоэкспозиция. На фотографиях Клавдия Шульженко, Лев Лещенко, Иосиф Кобзон, Виктор Вуячич, Галина Невашева, Ольга Воронец, Муслим Магомаев, Лариса Мондрус, Эмиль Горюнов, другие звезды эстрады, в разные годы исполнявшие ваши песни...

— Когда на душе грустно, рассматриваю эти фотографии. В них целый жизненный пласт. А вот Олечка Пирага, моя любовь. Училась моя. У меня пела ее мама, непрофессиональная певица, но с хоршим голосом. Однажды она привела одиннадцатилетнюю девочку. Олечка сидела часами около меня, когда я ренетировал. И раз попросила: проаккомпанируйте мне *Оранжевое небо*. Помните, была такая песенка, пела ее Ирма Сохадзе. Так начались наши занятия. ...А вот этого красавца узнаете?

— Конечно! Маринович, югославский певец. Пом-

нить, очень популярны были».

— Приехал он раз в Москву. Ему нужна была для репертуара лирическая песня о любви, вроде той, что написал Никита Богословский: «Три года ты мне снилась, а встретилась вчерашней...» Очень она ему понравилась. И я за день буквально написал для него песню, тоже лирическую, тоже о любви. Там были такие слова: «Но как делить,

«Я по опыту знаю, как трудно пробиваться новичкам. Поэтому стараюсь помогать одаренным людям. Мы работаем вместе, наши произведения звучат в концертах»

делить любовь с другой? Ведь делить на свете и мужская верность». Позвонил Мариновичу, он приехал ночью, записал на магнитофон, разбудил музыкального руководителя, тот сделал оркестровку. Утром они ренетировали, а вечером в *Губовый огонек* уже была песня. А когда шел *Огонек*, мне позвонили: «Муслим просит ноты *Мужской верности*». А потом ее пел Юрий Богатиков.

— Начало вашего профессионального творчества совпало с периодом «оттепели». Вы были из тех, кто открывал на эстраде новые ритмы...

— Я же написал один из первых советских твистов — *Буратино*. У этой песни оказалась счастливая судьба. Она стала шлягером, звучала на многих языках. А вообще открывал-то первый эти ритмы Раймонд. Я очень по-доброму к нему отношусь и ставлю его как композитора на высочайшую ступень. Это не потому, что он написал предисловие к моему сборнику, но для него вообще-то не характерно. Ведь Раймонд не имеет друзей. Он весь в себе. Это нельзя считать приятельской услугой. Мне было довольно сложно существовать. Единственный, кто

меня поддерживал, — это Раймонд Паулс.

— Вы живете в Риге. Выйти на сценический уровень, вероятно, было непросто.

— Было тяжело пробить стенку. Это очень специфическая среда. В нее впускают неохотно. Но я не могу жаловаться на судьбу. Были люди, которые мне помогали. — Ольга Воронец, Ян Френкель, Владимир Шинский. Я знаю, как трудно пробиваться. Поэтому сейчас, если могу, помогаю тем, кто взлететь нуждается. Я стараюсь открывать публике имена поэтов, музыкантов, мы работаем вместе, наши произведения звучат в концертах. Я знаю, как важно талантливому человеку, чтобы его услышали.

— Иногда думаешь: почему эти старые шлягеры, и вы все в том числе — *Буратино*, *Найди лев*, *Арифметика*, — так прочно осели в памяти? В чем секрет?

— Секрета-то нет. В песне должна быть мелодия. Чтобы послушал ее человек и про себя стал «пропрыкивать». Если твою песню напевают, то значит, ты результата достиг.

— Ваше отношение к современной эстрадной песне?

— «Я хочу тебя, хочу, хочу, я хотел тебя...» и так далее. Вот это вся песня. Больше там ничего нет.

— Что происходит с эстрадной песней?

— Происходит? Упрощается все. Раньше, чтобы ты мог называть себя музыкантом, нужно было семь лет учиться в музыкальной школе, четыре — в музыкальном училище. Пять лет в консерватории. Сегодня берут гитару, осваивают один аккорд, осваивают, и еще пять. Все он даже вот еще не знает. Но он уже композитор.

— Вот вы как-то рассказывали, что за своей будущей женой, прежде чем сделать ей предложение, ухаживали почти три года. Теперь, вы понимаете, все несколько иначе. Может, музыка озражает упрощение чувств?

— Да, безусловно. Ну как я к этому могу относиться? Для меня все это дико. Но я вам скажу такую вещь. Я все время стараюсь работать. Что-то идет в стол. Но форму надо держать. Проставить нельзя. Я написал более пятисот произведений. Я им счет потерял. Я писал музыку и театральную, и оркестровую, и песни, и романсы, и детские песни (очень люблю детей и работать для них). Я убежден: песне обязательно нужна мелодия. Без мелодии нельзя. Мой покойный приятель поэт Михаил Плячковский говорил так: «Слушателя нужно взять на крюк. Если есть музыка и текст, тогда эта песня останется».

— А разве вы не замечаете, что сейчас наметился поворот к мелодичным песням?

— Точно! Поворот к ретро. Звучат старые песни, танго. Тенденция. Мы сейчас немножечко вздохнули. Я теперь романсы пишу. После встречи с поэтом Валентином Ураловым стал писать. Стал работать с театром романса Нонны Рахмановой и Анатолия Савченко. Романс *Белые хризантемы* зал подхватывает сразу же после первого куплета.

— Недавно на вечере еврейской поэзии в кафе *Неделя* прозвучали отрывки из *Колоколов Холокоста* — ревиана, написанного вами вместе с Леонидом Ковалем. Очень сильная вещь. Среди ваших близких были жертвы Холокоста?

— Непосредственно моей семьей это не коснулось. К счастью, в это время она жила в России. Но это мой народ. Это были люди, с которыми мои родители говорили на одном языке. Шесть миллионов погибло. Я знал, о чем пишу. Все это прошло через меня. Я написал это на одном дыхании. За десять дней.

— Владимир Анатольевич, спасибо за беседу. Хорошо, когда крупные даты застают юбиляров за интенсивной работой. Ждем ваших концертов!♦